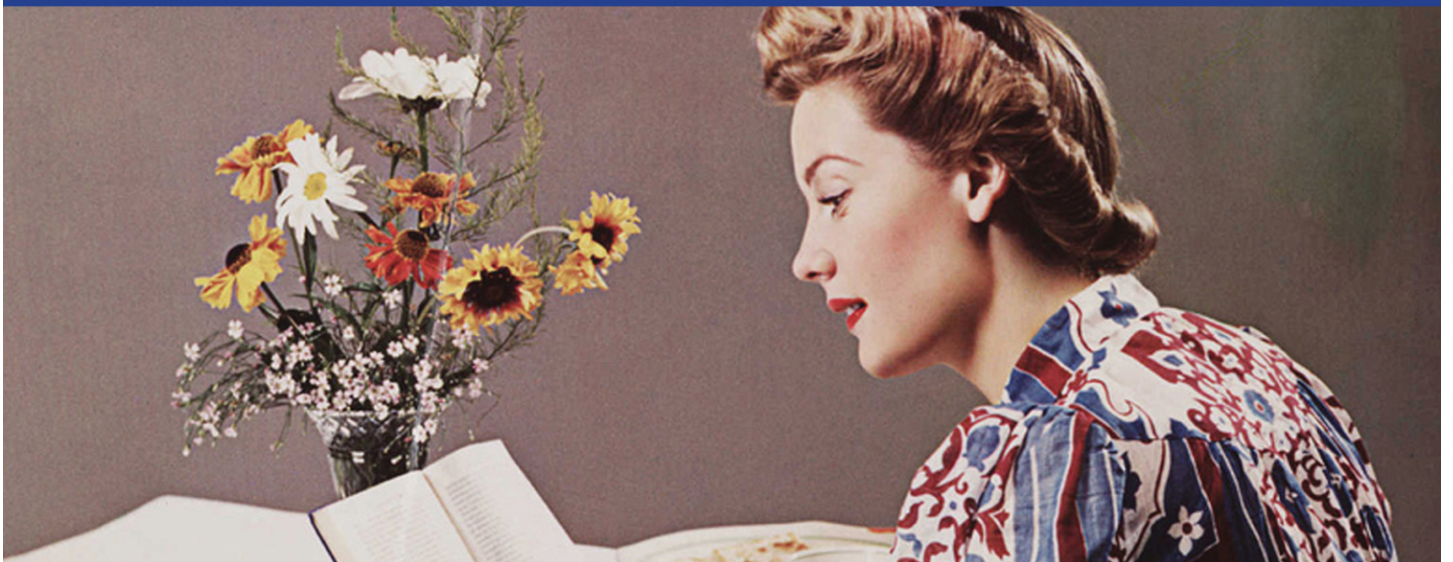

Галина Щербакова

Причуда жизни.
Время Горбачева и до него

ФТМ

Галина Щербакова

**Причуда жизни. Время
Горбачева и до него**

«ФТМ»

Щербакова Г. Н.

Причуда жизни. Время Горбачева и до него / Г. Н. Щербакова — «ФТМ»,

«У меня насчет того, чтоб представить невозможное, – полный порядок. Я, когда еду, иду или что без ума делаю, я вижу черт знает что. Бабушка моя, покойница, когда я еще маленькая была, в таких случаях, когда я смотрела в одну точку и вся была как в ступоре – меня тогда хоть на голову ставь, – говорила: «Опять эта засранка картины рисует». Я думаю, бабушка сама была такая, иначе откуда ей знать про картины? Это я к чему... То, что я сейчас увидела, и не в голове своей дурной, а на самом что ни есть деле, мне мое буйнопомешанное сознание или с тем же эпитетом бессознание – я там знаю что?! – сроду не показывало...»

© Щербакова Г. Н.

© ФТМ

Галина Щербакова

Причуда жизни

Время Горбачева и до него...

У меня насчет того, чтоб представить невозможное, – полный порядок. Я, когда еду, иду или что без ума делаю, я вижу черт знает что. Бабушка моя, покойница, когда я еще маленькая была, в таких случаях, когда я смотрела в одну точку и вся была как в ступоре – меня тогда хоть на голову ставь, – говорила: «Опять эта засранка картины рисует». Я думаю, бабушка сама была такая, иначе откуда ей знать про картины? Это я к чему... То, что я сейчас увидела, и не в голове своей дурной, а на самом что ни есть деле, мне мое буйнопомешанное сознание или с тем же эпитетом бессознание – я там знаю что?! – сроду не показывало.

Жизнь оказалась – куда там... А у меня всегда была теория. Я иногда ею делилась. То, что мы, русские, до сих пор живы, – это потому, что у нас, как у нации, хорошее воображение. Какие-нибудь немцы или англичане, дай им наши условия, давным-давно исчезли бы с лица земли. Мы же живые еще пока. Потому что, когда нас убивают из ружья, мы умираем радостно, потому что можем вообразить себе смерть на колу. Легче? Легче. Когда нас в морду и пах забивают сапогами, мы хорошо представляем – можно еще сдирать с человека шкуру. Послойно. И так далее. До бесконечности ужаса. Таким образом, воображающие, мы почти бесстрашны. Ничем нас не проймешь!

Но со мной же определенно что-то случилось. Наверное, скоро умру, если я так удивилась и затряслась, увидев на своем родном черно-белом телевизоре Ее Лицо. Еще до того, как называли ее по имени и отчеству, я узнала ее... Сразу. Даже не так... Я узнала ее еще до того, как ее показали... Плыл на экране белый теплоход. Нарядные и хорошо покушавшие господа и дамы нашего режима разводили ручонками, изображая восхищение окружающей природой. Природу показывали и нам, зрителям, чтоб мы тоже испытали с ними общую радость красоты, и у меня уже от обилия их природы, их радости и их красоты стала подниматься по горлу вверх едущая кислота, я такое свойство за собой знаю. Бывает со мной... Но тут пошла камера шарить по лицам, и вдруг у меня все внутри осело, даже не так – все во мне оборвалось и рухнуло, и горло стало пустым, как бамбук, в него просто можно было гудеть, как в сопелку, и я – вот хохма! – гуднула. И сама же подумала: чего это я? Гужу? И тут Ее Лицо. Значит, знал мой личный организм, что что-то сейчас случится. Иначе как объяснить эту пустоту в горле и этот звук из него? Стоит старая дура перед телевизором, в руках у нее тряпка – я чувал хотела сварганить для ненужного барахла, чтоб не валялось где попая. У меня в тот день был трудовой стахановский подъем. С утра я уже выстирала свое болоньевое пальто. С него стекало теперь в тазик, весело, как с крыши... Ну и вот надумала сшить чувал. В ЛТП это называли бы трудотерапией. По мне – трудоидиотия. Потому как стирать пальто не надо было. Точно. Теперь верх сядет и подкладка будет торчать из рукавов и из-за подола, а чувал с барахлом куда я дену? Где у меня для него место?

Но судьба мне все это устроила, чтоб я вовремя оказалась перед телевизором и чтоб не пропустила, так сказать, момент явления теплохода.

...Мелко-мелко что-то дрожало во мне... И тут всплыло Ее Лицо. Другое Ее Лицо, потому что ведь сколько лет прошло. То лицо, давнее, она уже износила, это было шире, натянuteй, определенной, уже постоянное лицо, без фокусов перемен. Привычка же смотреть почти не моргая осталась. И сейчас она придавала глазам какую-то важность, даже знатность: чего, мол, всякому быдлу подмаргивать? Этой вот, что с чувалом, к примеру... Стоит дура и гудит пустым горлом.

Ах, Людка-Людочка-Людмила.

Ну что? Хорошо тебе на том теплоходе? Не дует от воды? Смолоду ты нежная была. Как персик, говорила Вера. Помнишь Веру? А Стюру? А Нонну? Будешь ты помнить уборщиц. Как же!

Ты и меня не помнишь.

А я вот забыть тебя не могу. Ты еще утром только взошла на теплоход в Москве, а я в своей Богом забытой Транделовке вся занялась мелкой дрожью. И пошла шуровать в трудовом порыве, еще ничего не зная и уже зная все.

Неужели ты ничего сейчас не чувствуешь? Меня всю колотит, а тебе как с гуся? А еще говорят – биоэнергия, биоэнергия. Хрен!

Ничего нет... Ничего...

Руки у меня дрожат. Ими мне пробку не снять. Значит, зубами. Все... Легче... Ну вот... Я уже человек... Я могу логично. Ab ovo... Как говорили древние. От яйца, извиняюсь. Еж твою двадцать! Кое-что из наук помню. Дум спиро-сперма, одним словом.

* * *

Я столько в своей жизни про эту Людку думала, как, может, никогда и ни про кого больше... Еще бы. То, что я сейчас сижу в этой задрипанной комнате, из которой вынести уже нечего, и то, что я хорошо так и давно выпиваю, и то, что я одна как перст на этом черно-белом свете, – все это началось с нее, с ласточки моей теплоходной.

Господи! Я же умница была! У меня ниже четверки ни в школе, ни в институте, и не в этом дело – при чем тут отметки, я сама, без них, знаю, что умница, может, даже одаренная (плюсквамперфект, конечно), но была точно! Они ж за мной стаей ходили, дети... За дураком пойдут? И не малолетки – старшеклассники... Они меня так слушали! О чем я им тогда говорила? Понятия не имею, никаких слов не помню, одно ощущение. Я говорю им: плюсквамперфект – а во мне как что-то открывается настезь. С ума сойти, какое состояние, будто в тебе все города и страны, и все эпохи, и все человеческие мысли, а ты небрежно так, двумя пальчиками достаешь из себя это все детям и отдаешь им насовсем, и не жалко... Натё!

Если эти левобережные или как их там... депутаты добьются, что мы будем выбирать одного, хотя бы из двух, я вычеркну тебя, Миша Сергеевич. За Людку вычеркну. Мы с тобой одно поколение, значит, у нас один счет. Я тебя по этому счету и вычеркну своей слабеющей рукой. Это чистая правда. Слабеющей. У меня вены стали, как телефонный кабель, толстые и черные. Но это уже ерунда. От чего-то надо умирать. Мне, видать, от этого... Но до того – до того – я проголосую против всей этой жизни, против социализма, коммунизма, революции, Ленина, Сталина, Горбачева, Лигачева, Тяткина-Матькина, против всего народа-идиота, который употребляют всеми способами все, кому не лень...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.